

Таня приоткрыла дверь и выглянула наружу. Она бросила последний взгляд на мужчину и усмехнулась, увидев, что его маска неплотно прилегает к шее. Она закрыла за собой дверь и вышла.

Несколько бра, освещавших коридор, потускнели, создавая лишь тусклый свет, заливавший коридор. Она ждала хоть какого-нибудь звука, который мог бы ее насторожить, но ничего не услышала - только ритмичный стук ее панического дыхания. Она посмотрела направо и налево и, убедившись, что осталась одна, бросилась бежать по коридору. В конце его она обнаружила глубокую лестницу, ведущую вниз. Ее охватило чувство предчувствия, по телу пробежали мурашки. Ей захотелось вернуться в спальню, но она не стала этого делать. Как она могла так рисковать с незнакомым человеком? Что, если ее поймают стражники? Что, если король поймает ее? Ведь она была шпионкой из монастыря - места, которое считалось священным во всех королевствах. Туда приходили короли-оборотни, чтобы вознести свои молитвы и принести жертвы. Если король узнает, что Менкар подослал ее, имя монастыря будет опозорено. Однако тут ее осенила одна мысль. Что, если Менкар отрицает, кто она такая?

Она резко выдохнула и побежала вниз по лестнице. Они привели ее на площадку перед толстой деревянной дверью с витиеватой резьбой по дереву. Дверь была приоткрыта, и она почувствовала на своем теле дуновение теплого ветерка. Как и говорила Петра, открыв дверь, она увидела сад, окруженный высокими дубами и тополями. Она осмотрела сад в поисках выхода - может быть, калитки или даже щели в живой изгороди, окаймлявшей стены сада, - но, кроме густых деревьев, больше ничего не увидела. Единственный выход - через густой лес, который лежал впереди. Таня бросилась через сад к зарослям и упала на мягкую траву. Она должна была найти своего куратора. Если она не найдет его, то никогда не сможет добраться до Цетуса. Она не знала дороги. Впервые за почти десять лет ее выпустили из монастыря.

f□e□□□□□□□e□.□□m

Дыхание резало, как нож, когда она мчалась через рощу деревьев, входя в суровый лес так быстро, как только могли ее босые ноги. Ветки под ней затрещали, и она подпрыгнула от этого звука. Боясь, что ее преследуют ищейки или, что еще хуже, дворцовые стражники, она как никогда ненавидела то, что не может перейти в волчью форму. Большинство ее сородичей впервые переходили в волчью форму, когда им исполнялось восемнадцать лет, но некоторые переходили и раньше. В монастыре жрецы могли определить, кто перейдет раньше, а кто нет. В соответствии с этим они распределяли работу между людьми. Те, кто не успел смениться или потерял волков, попадали в рабство. Они работали на кухне, стирали белье, чистили уборные, мыли полы. Те же, кто мог сменить волка, становились воинами и писцами, занимали гораздо более высокие должности, имели гораздо больше привилегий. Их обслуживали... по-королевски... и они имели право принижать и бить тех, кто не мог сменить.

Жрец, которому она служила, Менкар, был верховным жрецом, самым могущественным жрецом монастыря Сетус. Он настаивал на том, чтобы она никогда не превращалась в волка, и поэтому ее сделали рабыней. Он привел ее в монастырь за горсть монет, полученных от ее бабушки. Она бежала так быстро, как только могла, ныряя вглубь леса. Она свернула направо, надеясь найти выход, но все, что она увидела - это деревья, которые становились все гуще. Низко свисающие ветки цеплялись за платье, как отчаянные руки, но она не могла замедлиться. Она не смела медлить. Только не в том случае, если ей нужно покинуть территорию дворца до наступления рассвета. Она пробиралась между толстыми и тонкими стволами, и ее ноги были в синяках от хруста веток. Белое платье натягивалось при каждом ударе о колючий сук. Она торопливо потянула за него, разрывая на части. Это не имело значения. Она не позволит этому остановить ее. Всю свою жизнь она хотела только одного: освободиться от Менкара. Она потерпела неудачу.

Воспоминания нахлынули на нее. Ей было пять лет, когда погибли ее родители, и тайна до сих пор окутывает их трагическую гибель. Жители деревни отдали ее на воспитание бабушке, которая проводила вечера в пивной, выпрашивая спиртное. Бабушка ненавидела Таню, каждый день ругала ее или била. Просто потому, что она не могла позаботиться о другом животе, когда сама едва могла прокормиться. Мало того, бабушка ненавидела ее за то, что, по крайней мере, по ее словам, она даже не была ее бабушкой. Маленькая Таня никогда не понимала сложностей жизни, но она до ужаса боялась серьезного священника с аквилиным носом, который оценил ее сверху донизу и выменял у пьяной бабушки всего за горсть монет, которых, наверное, хватило бы не более чем на три дня пьянства бабушки.

Тогда Тане было семь лет. Горбун запряг ее в повозку и привез к воротам монастыря. Менкар поработил ее своей магией, и девочка кричала, когда он проводил ритуал. Он забрал часть ее души, собрав ее в мандариновом камне души, который носил на шее. Это гарантировало, что она будет служить монастырю Сетуса - до тех пор, пока Менкар не отдаст ее кому-нибудь другому. Но он этого не сделал. Он жаждал ее как свою личную служанку и был неистово привязан к ней. Когда Таня выросла, ее волк так и не зашевелился. Она не читала и не писала, а выполняла рутинную работу в монастыре. Она всегда находилась под пристальным вниманием своего горбуна, который, как она позже узнала, был шпионом Менкара.

Все это не помешало Тане научиться читать и писать. Каждый раз, когда она чистила полки, она тайком брала книгу из библиотеки и приносила ее в свою маленькую, грязную комнату. Там, при мерцающем свете старой масляной лампы, которую она стащила из мусорного бака писца, она сидела, сгорбившись, и читала, пытаясь разобрать слова. Менкар заметил ее дар к древним языкам. Позже он разрешил ей читать их, но только после того, как она закончит работу по дому.

<http://tl.rulate.ru/book/93267/3141192>